DOI: 10.7816/idil-02-09-02

ПОЭМЫ А.Е. КУЛАКОВСКОГО: ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Praskov'ja Vasil'evna SIVTSEVA-MAKSIMOVA[1]

П.В. СИВЦЕВА-МАКСИМОВА

АННОТАЦИЯ

Своеобразие стиля А.Е.Кулаковского (1877-1926) проявляется в диалогических со- и противопоставлениях образов, их компонентов, в особенностях композиции произведений. В статье эта проблема рассматривается в аспектах взаимодействия фольклорных традиций и жанровых поисков автора. Доказывается возможность изучения его поэтического наследия в контексте проблем сравнительного литературоведения.

***Ключевые слова*:** поэма, авторский стиль, диалогичность, художественные детали, восточный традиционализм, жанровые особенности, значение наследия А.Е.Кулаковского

[1] Prof. Dr., North-Eastern Federal University, Yakutsk, Sakha Republic, Russia, Доктор филологических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета, smpv50@mail.ru

A.E.KULAKOVSKIY'S POEMS: ETHNOGENETIC CONTEXTS AND GENRE FEATURES OF WORKS

Sivtseva-Maksimova, Praskov'ja Vasil'evna. "Pojemy A.E. Kulakovskogo: Jetnogeneticheskie Konteksty I Zhanrovye Osobennosti Proizvedenij". *İdil* 2.9 (2013): 8-21.

Sivtseva-Maksimova , P.V. (2013). Pojemy A.E. Kulakovskogo: Jetnogenetıcheskıe Konteksty i Zhanrovye Osobennosti Proizvedenij. *İdil*, 2 (9), s.8-21.

ABSTRACT

The uniqueness of Kulakovskiy's stile (1877-1926) is represented in dialogue comparison and opposition of images, their components, and in composition peculiarities of the works. In the article this issue is considered in the aspects of folklore traditions interactions and genre search of the author. Kulakovskiy's poetry heritage study is proved to be possible in terms of comparative literature.

Keywords: poem, author's style, dialogue, artistic details, oriental traditionalism, genre features, the importance of Kulakovskiy's heritaqe.

В изучении литератур народов Сибири одним из главных выводов выступает представление сходных мотивов в анализе своеобразия фольклорных истоков поэзии. В этом плане национальные контексты проявляются на уровне художественных форм в композиционных приемах, организующих изобразительно-выразительные средства. В художественную ткань конкретного произведения фольклорно-этнографическое начало более естественно проникает через поэтические образы и национальные особенности стиха как образы-архетипы и аллитерационное созвучие внутри строк и строф. Это и национальная особенность мировидения, определяющая эстетику художественного творчества в целом.

В истории якутской литературы начало национальным традициям положено в художественном наследии А.Е.Кулаковского (1877 – 1926). Его творчество в целом представляет раздумья писателя-мыслителя о судьбе родного народа. В этом плане особо значительны поэмы «Дары реки» (1909), «Сон шамана» (1910), «Наступление лета» (1924). Четко выраженное типологическое качество — эпичность этих произведений — обусловило не столько разностороннее поэтическое освоение исторического времени, сколько масштабность общей мысли автора, выдвинувшего актуальные проблемы современной ему общественной жизни и раскрывшего в художественных образах свое отношение к этим животрепещущим вопросам. Именно первая четверть XX века является временем создания художественного наследия А.Е.Кулаковского. Данный период истории русской литературы определяется в специальном исследовании Р.С.Спивак особенным, когда одним из актуальных идей стало художественное отражение мира в разрезе всеобщего: «В числе важнейших особенностей концепции человека … особенное значение приобретает возросшее чувство общности человечества и осознание громадных созидательных возможностей человека. Новая концепция … получила широкое распространение в публицистике, литературной критике, искусстве, издательской политике, стереотипах бытового поведения. Существенными факторами ее формирования и распространения выступали научно-техническая революция и политическая ситуация в России» (Спивак, 2005: 66-67).

В этот период «чувство общности» проявляется в различных контекстах общественной жизни, начиная с христианских идей и натурфилософских воззрений, кончая публицистической основой диктатуры пролетариата. Концептуальные поэтические образы А.Е.Кулаковского образуют в этом ракурсе принципы философских воззрений о проблемах жизни общества в контексте художественного восприятия времени как системы значительных исторических явлений и общечеловеческих идей. Наряду с антиномиями

художественных деталей или элементов детализации он создает логическую сюжетообразующую оппозицию таких образов-понятий, как природа – человек; цивилизация – отдельная культура, образ жизни; вечные ценности – этапы или переходные моменты в жизни народа.

Содержательная и смысловая значимость образов в творчестве якутского писателя основывается на диалогических аспектах российского литературного контекста начала XX века. Именно эти актуальные проблемы в ракурсе типологических схождений в истории литературы глубоко и разносторонне раскрывает Н.С.Надъярных: «Россия вступала в полосу революций. Народы вышли на борьбу, открывались вроде бы перспективы. Но свободолюбивые идеалы были далеки от осуществления. И уже одно это обстоятельство не могло не сказываться на диалоге культур, на его дифференционных и интеграционных линиях. Кому-то этот диалог, может и покажется монолитом. Но в реальности все выглядит сложнее. И объективно, и субъективно он чрезвычайно затруднен». Далее исследователь правомерно отмечает, что перед «цивилизационно и стадиально различными типами участников» «при всех условиях оставалась сложнейшая дилемма согласовывать и/или не согласовывать параметры национальные, региональные, общероссийские, мировые, - до языковых, конфессиональных и других различий». Следующим, по нашей условной градации, значительным условием, обеспечивающим исторические контексты диалога культур народов России, в своем актуальном современном исследовании автор называет интеллектуальное начало, равное «магнетизму художественного мышления». А именно: «Оценивая со столетней дистанции диалог культур начала XX века, приходишь к единственному, кажется, выводу: этот живительный контакт был безусловным цивилизационным стражем, ограждающим национальные духовные обретения от безумствующего мира, сильным противоядием изоляционизму и всеобщей унификации» (Надъярных, 2008: 32-33).

Таким образом, одна из крупных современных исследователей национальной литературы народоов России подчеркивает необходимость углубленного изучения литературного процесса в ракурсах культурной парадигмы с учетом социально-исторических сопредельных пространств.

В нашем случае (в ракурсе представленной темы исследования) национальное мировидение как особенность устойчивости духовного опыта народа диктовало авторам стремление вносить субъективную оценку времени с учетом современного содержания общественной жизни. В творчестве А.Е.Кулаковского – это обращение к жанру поэмы с ее семантически многогранными образами, равными автохтонным открытиям новых

контекстов, и развитие художественных функций поэтических приемов фольклорной этимологии. В условиях зарождающихся литературных традиций убедительное жанровое начало выступает подтверждением диалога культур в форме естественной необходимости согласовывать параметры национальные с общероссийскими и мировыми. Ибо творчество по своей сути – это стремление к неповторимо оригинальному разрешению противоречий. В истории якутской литературы именно А.Е.Кулаковский открывает самобытные возможности фольклорной поэтики в своих художественных произведениях. Его эпические образы можно приравнивать индивидуальным художественным формам решения творческих задач, результаты которого представляют начало самобытной национальной литературы, отличающейся личной и социальной значимостью и прогрессивностью как синтеза восточных истоковых традиций и творческое освоение приемов и методов, идущих от российских и западных образцов художественного слова.

Например, сюжет и композиция поэмы «Дары реки» были навеяны стихотворением М.Ю.Лермонтова «Дары Терека» (1839). Однако проблематика и система образов в поэме А.Е.Кулаковского являются национально-самобытными. То, что образ Владычицы — Ледовитого моря в «Дарах реки» оказался «родственным» образу Каспий-моря, обнаруживает типологическую близость данных произведений на уровне сюжетных элементов и композиционной структуры, а вне этого конкретного факта — сопоставимость художественных явлений в истории различных литератур. («Ледовитое море» — дословный перевод названия с якутского языка «Муустаах муора»). Таким образом, Бабушка-океаниха с ее Быком зимы, пристанищем жестокого Аан-Даана, распространяющего беду по всей стране, сеющего ужас по великой земле, — это авторское художественное создание, восходящее к древним мифологическим представлениям народа саха. Фольклорные истоки имеет и река Лена, представленная в поэме символом доброго, жизнеутверждающего начала. Благородный нрав реки подтверждают ее обращения ко всем четырнадцати притокам величальным словом «хотун» — «Аллан хатын... Томпо хотун... Тыра хатын...». Лена покровительствует людям, живущим на ее берегах. Преклоняется перед величием Ледовитого океана. А в ответах и в заключительном монологе «Бабушки-океанихи» звучат самоуверенность, безграничная вера в свою силу, гордость, доходящая до уничижительного отношения ко всему:

Ишь, разболталась, девочка,

Дурочка,

Решившая жалкой каплей воды

Пополнить просторы славного океана,

Спорящего вечно с солнцем самим,

Громоздящего горы огромных льдин,

Холодом дышащего неустанно.

(Перевод В.Солоухина)

Поэма «Дары реки» художественно воссоздает диалектическое противоречие, существующее в природе: единство и борьбу противоположностей. На первый взгляд, семантическая интерпретация образов основывается на противоборстве добра и зла как явлений социальных. Но в диалоге реки Лены и Ледовитого океана, кроме указанного социально-исторического содержания, не менее четко и убедительно прослеживается и другой, более глубокий философский подтекст: выражается мудрость Матери-Природы, способной защищать себя от своего же создания — человека. Ведь в словах Лены, благодетельницы людей, звучит и обида на них, «забывших правду, добрые нравы», «одичавших в азарте горячечном»:

Шустрое течение

Мальчика Бодайбо

Как хотят изменяют.

Охраняющие леса

Темные

Изрубили в щепки

Белые, как снежный сугроб.

…

Участились убийства

И преступления…

Вот что творится на бедной Лене.

(перевод В.Солоухина)

И потому Бабушка-океаниха в своем извечном противоборстве с солнцем и человеком выступает не только безудержной в своих капризных желаниях владычицей, перед которой преклоняется величавая, добрая Лена-река, но и той единственной пока силой, которая необходима для обуздания ненасытную жажду людей приобрести, покорить, приспособить.

Неотделимость поэта от созданных им образов прослеживается и в финале поэмы. Здесь содержится вывод, определяющий исчерпанность сюжета: последний безоговорочный ответ Ледовитого океана «заморозить в прах» всех жалеемых Леной «людей солнца», а саму ее заковать «на девять месяцев в стужу и мрак, под ледяную пургу, под густую шугу» — это кульминационный трагический вывод о жизни и времени, перекликающийся с философскими воззрениями автора.

Каждое произведение основоположника якутской литературы — это фрагмент действительности. В его поэзии, зарождавшейся в условиях особой литературной ситуации, можно увидеть сосуществование разных жанровых элементов, которые подлежали кристаллизации, установлению. Но остается тот неоспоримый исторический факт: якутская литература начиналась с поэзии, с классических поэм А.Е.Кулаковского, созданных на основе диалектического движения «философской, религиозной и поэтической мысли, закрепленной словом». История литературы как история общественной мысли еще в классическом труде А.Н.Веселовского привлекает внимание исследователя тем, что задача изучения ее истории будет заключаться в определении, «каким образом новое содержание жизни» … «проникает в старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливалось всякое предыдущее развитие». «Историческая память минует мелочные факты, удерживая лишь веские, чреватые дальнейшим развитием» (Веселовский, 2006: 58).

В унисон этому заключению звучит вывод Г.М.Васильева о том, что А.Е.Кулаковский «явился убежденным преемником фольклорной поэтики, в частности фольклорного стихосложения». Исследователь подчеркнул, что

именно он «развил и возвел в степень писаных правил народный аллитерационный стих» (Васильев,1965: 57). Именно на этой основе поэзия А.Е.Кулаковского, основанная на образах и поэтических приемах устной традиции, через концепцию автора дает первые самобытные образцы национальной литературы.

Фольклор как тип художественного сознания общества и как система образного мышления послужил непосредственной основой и таких крупных поэтических произведений А.Е.Кулаковского, как «Сон шамана» и «Наступление лета». В исследованиях поэмы «Сон шамана» указываются социально-философская проблематика, эпическая масштабность, использование художественно-выразительных средств фольклора, прекрасный язык этого произведения, где наиболее полно выражены социальные и философские взгляды поэта с их достоинствами и спорными моментами (Кулаковский, 1965. Окороков, 1971. Эрчимэн, 1995). Однако шаман А.Е.Кулаковского не выступает только поэтическим двойником автора. Он является и непосредственным носителем народной философии, пророком, мессией, прозревающим мировое единство. Он выражает недовольство нарушениями обычаев предков охранять родную природу, свято беречь ее богатства; в народном духе звучит самоуничижение, когда он говорит о новых, непонятных ему явлениях общественной жизни.

Содержание произведения воспринимается как рассуждения шамана перед слушателями, присутствующими рядом с ним. Его обращение построено в виде системы видений шамана. Содержание поэмы разделено самим автором на девять периодов вещего предсказания старца, что в тексте четко определено шаманским ритуальным припевом «Дом-ини-дом!» А шаман — этот «отстоявшийся в народной памяти готовый художественный образ, позволяющий преодолевать пространственные и временные дистанции», — представлен автором в данном случае в двух ипостасях. Сюжет поэмы построен как переменное чередование мифологического и реального художественного времени, и шаман выступает как пророк, созданный поэтом в рамках народных традиций, и как реальный, размышляющий о своем конкретном историческом времени мудрый человек. Более того, мифологическое начало органически сливается с действительным историческим содержанием, не нарушает фабульной стройности, хроникальности сюжета поэмы в целом. Эту художественную целостность, образную красоту придает поэме единственный герой, безграничная эмоциональность, неповторимая самобытность которого и сами по себе становятся предметом поэтического осмысления, вытесняя порой реальный сюжет на второй план. В

этом отношении мудрость и дальновидность А.Е.Кулаковского заключаются и в том, что он подтвердил последовательность и целостность народной философии в уникальном поэтическом персонаже — образе шамана, гордо убеждающего вот уже несколько поколений «своих слушателей» в незыблемой закономерности развития общества. Поэт создал национальное эпическое произведение на фольклорной основе, потому что жанровым прототипом «Сна шамана» послужило конкретное явление устного народного творчества, связанное с культурой и верованиями саха, т.е. с принципами мировоззрения и философии народа как носителя части мировой цивилизации.

Композиция поэмы представляется следующим образом:

Вступление. Единственная «авторская строфа» в поэме, в которой говорится о времени создания произведения — начале века: «Восьмилучевое из мглы / Величаво, ярое добела, / Вечное солнце, искрясь, / Восходило — в этот миг...» (пер. С. Поделкова)). Шаман — «Белый шаман, жрец добрых божеств, не признающий над собою власти злых духов, одевался во все белое» — рассказывает свое видение в особый момент, а именно в начале века. Он, таким образом, отвечает на безмолвный вопрос народа, не без страха вступающего в новую эпоху, что соответствует постановке актуальной проблемы, раскрывающейся в необычном сюжете поэмы.

Первый период видения посвящен описанию социального кризиса как основной приметы переходного времени. Шаман раскрывает истоки и причины бедственного положения народов. Это глобальная экологическая проблема, связанная с проникновением цивилизации. Человек все более остро противопоставляется природе. И в поэме исходной проблемой ставится перенаселение, нехватка земель в развитых государствах.

Во втором периоде шаман описывает войны как последствия экономического кризиса стран. При этом он размышляет о колониальных войнах и мировой войне и видит в них своего рода стадии в историческом самоутверждении государств. Далее делает логический вывод о том, что именно войны между странами приводят к геополитическому противостоянию наций как субъектов человечества (мировой цивилизации).

Третий период раскрывает слушателям настоящее положение Якутии как части мирового единства (цивилизации). Поэт в образе шамана-провидца доводит до современников свои мысли о нелегкой судьбе малочисленного народа, населяющего огромное географическое пространство. В этой части

проблема земли (территории) рассматривается с точки зрения интересов Америки, Японии и Китая в их отношении к Якутии.

В четвертом периоде видения раскрывается перед шаманом «блистательная сердцевина Земли», «высокое чело всей планеты» — Европа. В поэме убедительно точно, в красочных образах раскрывается глобальность европейского влияния на цивилизацию в описании Англии как великой колониальной державы и Германии как центра европейской и мировой социальной и политической мысли.

В пятом периоде шаман рассказывает о революционной ситуации, нарастающей с невиданной силой и угрожающей коренным переломом духовных и культурных устоев всего общества. Его видения заканчиваются следующими предсказаниями: «Когда будут изменяться / прежняя жизнь и ее законы, / наступят долгая засуха / и голод. / Когда традиционные навыки предков / будут разбиваться вдребезги, / будут теснить людей / великая нужда, возможность гибели...» (Дословный перевод наш – П.М.).

В шестом периоде шаман опять упоминает о духах войны: девице Идэмэр Кустуктай и молодце Уот Солуонньай — и его вещие слова описывают страшную картину современной мировой войны, зловещий дух которой может запросто стереть с лица земли «сиротливый», доверчивый, бесконечно дорогой ему народ саха.

В седьмом периоде в словах шамана звучит особое напряжение мыслей и чувств: он вещает о том, что мировая война перерастет в революцию и гражданскую войну. Наступают самые тяжелые моменты в состоянии старца-провидца: он предупреждает слушателей о том, что гражданская война по отношению к народу равна самоуничтожению. Драматизм «повествования» достигает здесь трагической кульминации, что автор передает и изменением ритмики поэмы. Развивая эту мысль, шаман представляет слушателям «новую партию» — «партию большевиков». В примечаниях к первому изданию А.Е.Кулаковский сделал следующее пояснение: «Когда в 1910 г. писалась мною эта песня, то предполагалось, что как всемирная война, так и русская революция разгорятся не ранее чем через 20— 25 лет. Великий голод и переселение на отдаленные окраины должны были случиться тотчас вслед за войной и революцией как естественные их последствия. ... Все, что касается до партийных распрей внутри России, написано после революции» (Кулаковский, 1978: 135).

Именно здесь, в дополнении (но включенном в основную часть поэмы), шаман предстает мудрым старцем, с болью в сердце констатирующим события, которые произошли после 1917 г. Все эти явления истории он воспринимает вне политических и идеологических ситуаций: его переживания выражены в том же духе народных верований и носят общечеловеческий, гуманистический характер. А в целом своеобразное «подведение итогов» перекликается с тем, о чем шаман размышлял в предшествующих частях поэмы. И его трагические предчувствия связывается с рассказом в целом не очень оптимистическим – «о том, что наступит в мире потом». Предвидения шамана относительно деятельности «первой партии» поэт дополняет советом «объединить помыслы многих – в один», предугадать «горе и нужды людей», а главное – «учения своего узко понятые места» исправлять, остерегаясь «пустопорожних слов» и умея «отступать чуток».

Восьмой и девятый периоды посвящены размышлениям о судьбе народа саха, перед которым жизнь ставит нелегкую проблему выживания в условиях сосуществования с многочисленным народом с развитой современной культурой и высоким уровнем образованности.

Таким образом, в начальных четырех периодах видения шаман размышляет об экологических и социальных закономерностях цивилизации: обернувшись гигантским орлом, достигнув «вечных небес», обозревает «весь круг земной». Здесь проблема родной земли становится частью проблемы мирового единства стран и государств, где Якутия и Европа «сопоставляются» в ракурсе «края» (крайней, начальной точки) и «центра». С другой стороны, большая территория и малочисленность населения противопоставляются европейской проблеме нехватки земли. А в последующих периодах камлания мудрый шаман эту систему в виде всеобщего закона переносит на Российский регион и размышляет о судьбе нации в конкретных временных и пространственных масштабах. Отсюда его обращение-призыв к народу приобретает не только социально-исторический, но и философский смысл.

Тема произведения — размышления о судьбе народа саха в масштабах мировой цивилизации — раскрывается в форме логической спирали, где общественные закономерности развития государств представлены в виде целостной философской концепции. Концептуальной идеей-обобщением выступает и финал поэмы: трагическое предвидение будущего нации, усиленное в передаче экстаза шаманского камлания, завершается все же оптимистически, верой в лучшее будущее. Брошенная шаманом колотушка священного бубна (туерэх) упала углублением вверх, «что предвещает удачу», и шаман крикнул обязательное в таких случаях счастливое слово «Тускуо!».

Сам А.Е.Кулаковский подобное гадание назвал «самым общественным (т.е. распространенным в народе. — П.М.) в старину» (Кулаковский, 1979: 79). Все это высказывается шаманом с целью зародить в душе слушателей широкую цепь эмоционально-оценочных ассоциативных размышлений о времени и о себе, выводы из которых ни в коем случае не могут быть сведены к однозначному определению. Данная особенность содержания и идеи произведения — художественное объединение в одно целое национального, исторического и философского начал — с течением времени не утрачивают своего значения. И «слушателями» шамана А.Е.Кулаковского являются вот уже несколько поколений якутских читателей, которые, воспринимая его предсказания по-разному, соглашаясь и споря с ним, непременно проникаются к нему уважением и восхищением.

Сложный многоплановый сюжет, своеобразный историзм, художественная идея борьбы за благополучие своего народа и, наконец, непосредственное «присутствие» слушателей — все эти особенности жанровой природы поэмы Кулаковского позволяют увидеть ее художественный аналог в эпических произведениях якутского фольклора. И.В.Пухов, при определении жанровой специфики олонхо, подчеркивает особенности его сюжета и композиции, языка и стиля повествования, объема произведений, историзм и героический характер содержания (Пухов, 1980: 24-33). В данном случае жанр эпических произведений фольклора не становится внешним шаблоном. Наоборот, поэтика «Сна шамана» послужила художественным толчком и основой проявления индивидуального, национального и исторического начал зарождающейся якутской художественной литературы. В самом названии автор сконцентрировал своеобразие произведения: в «сновидении», уточненном образом шамана, отражена «кодовая установка» жанровой особенности произведения, которое стало классическим произведением якутской литературы, ибо каждое поколение читателей раскрывает ее по-новому, находит в ней то самое существенное, что непременно перекликается с наболевшими проблемами своего времени.

Другая поэма А.Е.Кулаковского «Наступление лета» написана по мотивам народных песен о временах года. Среди песен о временах года, прославляющих родную природу, значительной популярностью отличались песни о наступлении лета, «всегда жизнерадостные, носящие характер приветствия оживающей природе. Поэма Кулаковского традиционно воспринималась как прославление начала новой жизни народа. Однако публицистический пафос не равняется главной идее произведения. Поэт и на

этот раз расширил и уточнил обобщающие возможности народных песен, соединив в композиционное целое шесть частей, которые посвящены явлениям природы, соответствующим определенным отрезкам времени от начала весны до полного утверждения лета. Он воссоздает время в движении: сюжет поэмы-хроники заключен в завязку, символически перекликающуюся с концовкой поэмы «Дары реки», и развязку-апофеоз как церемониальное воспевание наступления летнего солнцеворота — нового года по якутскому народному календарю — как приветствие радости вообще.

В этом отношении композиция поэмы перекликается с основными признаками обрядовых песен, посвященных национальному празднику ысыах, в чем можно убедиться, обратившись к монографии С.Д.Мухоплевой: «Главным организующим звеном этого повествовательного компонента песни (ритуальной «Песни про ысыах» — П.М.) является прием причинно-следственного сцепления образов. Наступление нового года — причина наступления теплых дней, наступление жары — причина расцвета деревьев и произрастания трав; уход старого года — причина таяния снегов, ледохода, ледоход — причина произрастания трав. Таким образом, первый образ текста является причиной появления второго образа, а второй, в свою очередь, — причина третьего и т.д.» (Мухоплева, 1993: 24).

К этой схеме приложим композиционную структуру поэмы «Наступление лета», которая четко отражена в названиях глав:

1) «Таяние снегов, вскрытие рек»; 2) «Насекомые, птицы, животные»; 3)«Гром, дождь», 4) «Земля зеленеет, трава растет»; 5) «Счастливая участь людей и скота»; 6) «Ысыах». Как видим, причинно-следственное сцепление образов (глав) налицо. Данная композиционная форма естественно и просто прослеживается и в текстах каждой главы. И в этом случае автор, опираясь на фольклорную форму, раскрывает поэтическую идею о жизнеутверждающих началах природы в духе народного мировосприятия, на уровне народной эстетики определенного исторического периода его развития, отражая реальное время через систему концептуальных образов.

Поэтический стиль и тематическая направленность произведений А.Е.Кулаковского неизменны: он естественно продолжает фольклорные художественные традиции, гармонически сочетая с ними индивидуально-авторские идеи, созвучные с его историческим временем. Автор выражает народную веру в благополучие как знамение жизни в любом ее проявлении. Эта гуманистическая идея по отношению к судьбе народа прослеживается во многих его произведениях, где неизменное утверждающее определение жизни

является ключевым понятием в раскрытии идеи произведений по принципу взаимометафоризации природы и человека, что в целом «работает» на усиление концептуальной образности.

Bibliografija

Vasil'ev G.M. Jakutskoe stihoslozhenie. – Jakutsk, 1965. 125 s.

Veselovskij A.N. Istoricheskaja pojetika. – Moskva, 2006. 688 s.

Kulakovskij A.E. Sbornik dokl. k 85-letiju so dnja rozhdenija. – Jakutsk, 1965. 86 s.

Kulakovskij A.E. Nauchnye trudy. – Jakutsk, 1979. 483 s.

Muhopleva S.D. Jakutskie narodnye obrjadovye pesni. Sistema zhanrov. – Novosibirsk, 1993. 112 s.

Nadjarnyh N.S. Aksiologija perechtenij. – Moskva, 2008. 335 s.

Okorokov G.G. Koncepcija mira i cheloveka v pojezii A.E.Kulakovskogo. Avteref. dis. kand. filol. nauk. – Jakutsk, 1971. 24 s.

Parhomenko M., Syromjatnikov G. A.E. Kulakovskij. // Kulakovskij A.E. Pesni jakuta. – Moskva, 1977. 3-15 s.

Puhov V.I. Ot fol'klora k literature. Jakutsk, 1980. 126 s.

Spivak R.S. Russkaja filosofskaja lirika. – Moskva, 2005. 407 s.

Jerchimjen. Eksekjuljeh vsegda zhivoj (na jakut. jazyke). – Jakutsk, 1995. 268 s.